

**ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ЗА ЗОЛОТОЙ ПЕЧАТЬЮ:
ИСТОРИЯ БЫТОВАНИЯ И АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
(ОБ ОРДЫНСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ВОПРОСЕ ИНВЕСТИТУРЫ)**

А.В. Беляков

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
belafeb@gmail.com*

Цель исследования: обобщить и проанализировать все известные свидетельства о пожаловании московскими государями жалованных грамот с золотой (чаще серебряной вызолоченной) печатью в XVI в.

Материалы исследования: документы Посольского приказа, а также свидетельства русских летописей.

Результаты и научная новизна: установлено, что подобные жалованные грамоты выдавались в регионы, недавно присоединенные к Московскому государству, или же добровольно вступившие в формальное подданство. С усилением реальной власти русских государей выдача подобных документов прекращалась. Ареал распространения грамот включал регионы Среднего Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и Кавказа. Природа подобных документов носила двойственный характер. С одной стороны, это было развитие традиций, присущих русским землям, а с другой – учитывала ордынские правила, в соответствии с которыми право владения землей было возможно только обладая разрешением со стороны высшей власти (хана, царя). С захватом Казани и Астрахани Москва унаследовала эти их функции. Однако подобные грамоты начались выдаваться несколько ранее. Возможно, это происходило уже в XV или даже конце XIV в. Рассматриваемые печати и грамоты фиксируются до 1-й трети XVII в.

Ключевые слова: Русское государство XV–XVII в., жалованная грамота, золотая печать, инвестиатура, Золотая Орда, Западная Сибирь, Северный Кавказ, Среднее Поволжье

Для цитирования: Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211

**DIPLOMAS WITH THE GOLDEN BULLA, HISTORY
AND AREA OF DISTRIBUTION: THE HORDE'S CONTINUITY
IN THE MATTER OF INVESTITURE**

A.V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
belafeb@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To summarize and analyze all known evidence of the Moscow sovereigns awarding granted charters with a gold (usually gilded silver) seal in the sixteenth century.

Research materials: Documents of the Ambassadorial Prikaz, as well as evidence found in the Russian chronicles.

Results and novelty of the research: It is established here that such granted charters were issued to the regions recently annexed to the Moscow state or those having voluntarily entered into formal citizenship. With the strengthening of the real power of the Russian sovereigns, the issuance of such documents was discontinued. The area of distribution of charters included the regions of the Middle Volga, the Urals, Western Siberia, and the Caucasus. The nature of such documents was twofold. On the one hand, they originated from the development of the traditions inherent in Russian lands, and on the other hand, they reflected the Horde's rules, in accordance with which the right to own land was possible only with permission from the higher authorities (a khan or tsar). With the capture of Kazan and Astrakhan, Moscow inherited these functions though its issuance of such certificates began a little earlier. Perhaps it happened already in the fifteenth or even the end of fourteenth century. The seals and charters in question are recorded up to the first third of seventeenth century.

Keywords: Russian state from the fifteenth to seventeenth centuries, diplomas with the golden bull, investiture, Golden Horde, Western Siberia, North Caucasus, Middle Volga region

For citation: Belyakov A.V. Diplomas with the Golden Bulla, History and Area of Distribution: The Horde's Continuity in the Matter of Investiture. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211 (In Russian)

В истории взаимоотношений Московского великого княжества (царства) с государственными образованиями, возникшими на территории некогда единой Золотой Орды, имеется один очень интересный и в то же время малоизученный сюжет – устойчивое бытование жалованных грамот за золотой печатью (на самом деле в подавляющем большинстве они были серебряные вызолоченные), выдававшиеся от имени русского государя. Нельзя сказать, что данная тема никогда не поднималась в научной литературе [25; 64]. Однако, как правило, исследователи рассматривали отдельные сюжеты без попытки проанализировать известные случаи как различные грани единого процесса. В данной работе мы предпримем попытку обобщить все имеющиеся в нашем распоряжении сведения об этом явлении и предложим его интерпретацию.

Сибирь

Правитель Сибири из рода Тайбугидов князь Едигер бин Касим в 1555 г.¹ по собственной инициативе согласился на выплату дани Ивану IV. Его послы фиксируются в Москве в январе 1555, октябре 1556, сентябре 1557, ноябре 1558 и в 1563 г. [47, с. 248, 276, 285, 313, 370]. Отсутствие летописных известий о посольствах за 1559–1562 гг., по-видимому, следует объяснить тем, что данные визиты со временем стали рутинной практикой. В наказе послу в Литву Савлуку Турлееву осенью 1555 г. дается более развернутая картина происходящего: «А нечто спросят Савлука: почему царь и великий князь пишется Сибирские земли повелителем? И Савлуку говорити: Сибирская земля по ряду с Казанскою землею; и как государь наш царь и великий князь Казань взял, и сибирской князь Едигер бил челом государю нашему с всеми сибирскими людьми, чтоб цари и великий князь пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил. И государь их пожаловал, дань свою на них положил давати им с сорока тысеч человек на всякой год с всякого человека по два соболя з головы, да данщику по две белки, и грамоту им свою жаловальную на то дал, что их с тово юрта не сводити; а дань с них имати на всякий год без перевода; а послал к ним государь по свою дань своего данщика Дмитрея Курова сына Непейцина, а будет Дмитрей с тою данью к государю к Рождеству Христову или к Крещенью. А на службу ходити Едигерю князю со всеми воинскими людьми куды государь наш пошлет» [57, с. 479–480]. Никоновская летопись дополняет картину новыми подробностями. В сентябре 1557 г. в Москву из Сибири в сопровождении сибирского посла вернулись служилые татары Посольского приказа во главе станичников и толмачей Девлет-Хози и Собани (Собан, Собаней) Резановых². Они посылались принимать шерть у Тайбугида князя Едигера и собирать дань с подвластных ему племен: «тысячу соболей, да дорожной пошрины сто да 60 соболей за белку, да грамоту шертную привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю положил» [47, с. 285; 48, с. 586]. Собаней побывал в Сибири еще как минимум один раз. В ноябре 1559 г. он приехал в столицу с частью очередной дани [47, с. 313; 48, с. 607].

В таком случае вырисовывается следующая картина. В 1554 г. князь Едигер принимает решение платить дань Ивану IV. Для этого в Москву отправляется посольство, прибывшее туда в январе 1555 г. Русский государь с радостью принимает предложение и в этом же году посылает в Сибирь своего данщика Дмитрея Курова сына Непейцина, по-видимому, в сопровождении служилых татар Посольского приказа. Однако окончательно юридически это

¹ В январе 1555 г. об этом стало известно в Москве. Значит, само решение было принято летом – осенью 1554 г.

² Служилые татары Посольского приказа (ранее великокняжеские) сопровождали послов и посланников в мусульманские страны (за исключением Персии), а также выполняли самостоятельные миссии, выступая гонцами и посланниками. Постепенно из них выделились такие категории внешнеполитического ведомства как толмачи и переводчики. Под началом станичных голов, а здесь говорится именно о них, было от 2 до 9 рядовых станичников. Многие из них находились между собой в родственных отношениях. В XVI в. станичный голова зачастую являлся синонимом понятия толмач.

было оформлено несколько позднее. Шертование в Сибири произошло только в первой половине 1557 г. Осенью того же года в Москву привезли шертную грамоту «с княжею печатью». По-видимому, при окончательном заключении договора возникли определенные трудности.

В 1563 г. Едигер был убит Шибанидом ханом Муртазой, возвратившим себе Сибирь [29]. Тогда же в Москве оказываются вдова Едигера, дочь ногайского бия Исмаила, с сыном. В настоящее время их отождествляют с испомещенными в Коломенском уезде княгиней Суньяшой и мирзой Карамышем [42, с. 472, 543–544; 31; 11]. Первый дипломатический контакт с сибирскими Шибанидами фиксируется вскоре после захвата Сибири: «Столпик сибирской 7072-го году, приезд к Москве сибирсково Муртозы царя татарина Ташкина» [36, с. 97, л. 189 об.]. После этого они прекратились на несколько лет.

Во второй половине 1560-х гг. резко ухудшились отношения между сибирскими правителями и казахским ханом Хакк-Назаром, казахи начинают борьбу за башкирские улусы, ранее находившиеся под управлением ногаев и Кучума. В 1569 г. Хакк-Назар совершил крупный поход на Ногайскую Орду. Среди ногаев значительные потери понесли Шихмамаевичи, союзники Кучума. Он в свое время воспитывался у их отца Шейх-Мамаю бин Мусы. Существует мнение, что на протяжении 1570-х гг. казахи даже собирали дань с сибирских ногайцев и татар. В сложившейся ситуации сибирскому хану нужны были новые союзники. Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина считают, что именно Москва первой напомнила о прежних даннических отношениях с Сибирью, сложившихся еще при Тайбугидах [29]. Но подобному построению противоречат сохранившиеся свидетельства. В марте 1569 г. глава миссии от Кучума (гонец?) Аис был отпущен из Москвы. 3 июня он уже был в Перми и тогда же отпущен в Сибирь [3, № 179. с. 340–341]. По неизвестным причинам до этого некоторое время ему пришлось провести в московской тюрьме. Возможно, он был одним из членов посольства 1563/64 г. от хана Муртазы, которых было приказано арестовать, и о которых просил ногайский бий Исмаил [60, с. 123–128].

Возможно в 1568 г. в Москву была передана грамота от Кучума с устным обещанием платить ежегодную дань, как при князе Едигере. В ответ на это, с некоторой задержкой Аиса, гонца хана Муртазы, плененного в 1563 г. отправили с посланием Ивана IV в Сибирь. Посчитав, что первое послание не дошло, Кучум, возможно летом-осенью 1570 г. отправляет однотипное послание, а на словах сообщает о том, что уже начал собирать дань.

Преыдушие исследователи относят послание Кучума к 1570 г., ссылаясь на сообщение о том, что 17 марта 1570 г. в Москву было привезено письмо от Кучума из Перми кн. Никитой Ромодановским, которое в свою очередь ему около Николина дня осеннего привез «гогулетин (вогул – А.Б.) из Конды Ивака Ивакин сын с Пельма. Ему же ту грамоту дали в Сибири». Но в грамоте просят отпустить неких пленников. Аиса же отпустили из тюрьмы и отправили в Сибирь уже в марте 1569 г [29; 3, № 179. с. 340–341]³. Данное сообщение интересно для нас еще и тем, что показывает, как в этот период организовывались дипломатические контакты. Боясь направить гонцов напрямую, Кучум посылал людей на север, в район Пелымского княжества, где

³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 2. 1577 г. Д. 2.

отслеживали людей, собиравшихся в русские земли, и перепоручали им грамоты. Недостаток подобного подхода заключался в первую очередь в том, что при таком способе корреспонденция шла очень медленно. За это время как внешняя, так и внутривосударственная ситуации могли кардинально поменяться. Обратим внимание еще на один момент. Аиса отпустили в марте 1569 г. Значит грамота Кучума была получена в Москве летом – осенью 1568 г. Из Перми ее могли направить весной того же года. Но в таком случае в Сибири ее должны были написать осенью 1567 г. или даже несколько ранее. Поэтому посольство 1563/64 г. и события рубежа 60-х – 70-х гг. XVI в. следует рассматривать как звенья одной цепи, при этом очень тесные.

В Сибири оперативно отреагировали на послание из Москвы и направили посольство. В описании послания Кучума в Титулярнике № 3 указано, что даты нет, сами же составители этого документа отмечают дату как 7080-й год. Однако ответное послание царя Ивана Васильевича, размещенное ниже, имеет дату: октябрь 7080-го. Соответственно это послание Кучума в Москве должно было оказаться не ранее сентября 1571 г.⁴

В это время Кучум вел войну с Казахским ханством и нуждался в союзниках. Он согласился выплачивать дань Москве в том же объеме, что платили Тайбугиды. Для этого в Россию отправили посла Таимаса, гонца Аиса и (абыза?) Магмед бака (бакшея?) хозе Сеипова (ходжа Сеипова) сына⁵. Из Москвы они поехали с русским послом Третьяком Чабуковым и текстом шертной грамоты. Но ситуация вскоре поменялась, и в 1572 (или же в 1573) г. хан отказался от выплаты дани. Хотя первая выплата, похоже, была осуществлена. Обратим внимание на очень важный для нас факт – оформление государевой грамоты посланной к Кучуму: «И того для к сему ярлыку на большое укрепленье золотую свою печать есми приложил»⁶. О печати мы поговорим ниже.

В целом публикаторы XIX в. точно передали текст шерти Кучума. Однако по неизвестным причинам они проигнорировали помещенную в нем дату хиджра, поместив на ее месте отточие. 979 г. длился с 16 мая 1571 по 3 мая 1572 г., что в целом соответствует датировке документов и подтверждается архивной описью [37, с. 289, л. 493 об. – 494]. Но здесь возникает определенный вопрос о том, как посольство должно было вернуться в Сибирь. Похоже, обратно они отправились в октябре 1571 г. В противном случае не

⁴ «Всемогушаго безначального Бога неизреченным милосердием, крестьянского закона един правый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, Царь Астороханьский, господарь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарьский и иных, царь и великий князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Резаньский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всее Сибирьские земли и северные страны повелитель, и Господарь земли Вифлян/83/ские и иных, Сибирские начальнику Кучуму царю милостивое слово с любовным жалованьем и доброю мыслью великое защищенье, и Богособные наши власти, всего твоего улуса людем, безстрашное пребывание и крепкое слово то.

А в свершение писано:

И того для к сему ярлыку на большое укрепленье золотую свою печать есми приложил. От создания Адамля лета 7080-го октября.

Писан в государстве нашего дворе, града Москвы, а вашего лета 979-го» (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 83).

⁵ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 84 об.

⁶ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 83.

было необходимости в спешке. Все документы можно было подготовить ранней весной. Но в таком случае участники посольства могли не успеть приехать в ставку Кучума до мая 1572 г. А это означает, что на документе следовало ставить другую дату по хиджре – 980-й. По-видимому, горы было решено обойти южнее того маршрута, по которому ранее грамоты из Сибири попадали в Москву. Существующие исследования позволяют нам представить по каким транспортным магистралям могла осуществляться коммуникация между Россией и Сибирью. Речь идет о так называемой старой Казанской дороге. В настоящее время под ней подразумевают систему дорог, «соединявших азиатскую и европейскую часть континента, проходивших через Южный Урал, включавшая в себя отдельные участки меридиональных путей, проходивших вдоль Уральского хребта». В нашем случае, похоже, воспользовались путем через область Тахчеи – транспортный коридор между Прикамьем и Сибирью, через который также можно было попасть в Среднюю Азию, в «Бухарею». Она располагалась в среднем и верхнем течении р. Сылва (и нижнем течении р. Ирень) и в верхнем течении р. Чусовая. На Сылве и в нижнем течении Чусовой Строгановы после 1568 года ставят острожки. В июле 1573 г. именно сюда совершил набег сибирский царевич Мухаммед-Кулбин Ахмед-Гирей, когда пленил Третьяка Чабукова [53; 54]. По-видимому, данный путь признавался как вполне удобный, если им пользовались регулярно. Ведь Т. Чабуков, после возвращения из посылки 1571/72 г., вновь направляется во главе дипломатической миссии за Уральские горы⁷, и, как мы видим, частично по тому же маршруту.

Имеется иное объяснение случившемуся. По мнению В.В. Трепавлова, в этой части Евразии (Сибирь и башкиры⁸) утвердилась государственная традиция, предусматривавшая легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. «Хан не только жаловал земли и подвластное население, но и подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями. Законно владеть ими можно было, только обладая разрешением и согласием со стороны высшей власти» [59, с. 183]. С захватом Казани функция верховного сюзерена перешла к московскому царю. С тем же можно было обратиться и в Бухару, к хану Абдаллаху,

⁷ Куда была направлена миссия 1572/73 г. во главе с Т. Чабуковым в настоящее время непонятно. Если она посылалась к Кучуму, то его разгром племянником сибирского хана выглядел как полное самоуправство. Для того чтобы определить иное возможное место посылки, Казахская Орда или одно из государств Средней Азии, требуются дополнительные сведения.

⁸ Исследователь ссылается на сведения об этом в сохранившихся башкирских шежере и преданиях. Упоминается дата обращения – 1555 г. (по другим сведениям 1564 г.). Как мы увидим ниже, в эти годы в Москву к Ивану IV действительно приходили послы от разных народов за жалованными грамотами. С высокой долей вероятности депутация должна была приниматься самим царем и покинула столицу с жалованной грамотой. «Золотая» печать на ней со временем могла в народной памяти под воздействием иных, более поздних событий, трансформироваться в золотые тарелку и ложку. Однако на это могли рассчитывать только представители крупных родовых объединений. Другие же в действительности возможно получали «ярлыки» у казанских воевод. Отметим, что постоянное указание на Казань, а не на Москву, как на место получения жалованных грамот и постоянного (частого) присутствия русского царя, является прямой отсылкой к более ранней практике получения инвеституры [8, с. 33, 73, 79, 117, 127, 150; 7, с. 141–143, 177–178].

но это неминуемо привело бы к возрастанию влияния южных соседей на сибирские дела [13]. Москва же находилась далеко. Таким образом, русские государи наследовали административные полномочия своих золотоордынских и казанских предшественников. В.В. Трепавлов отмечает, что в отношениях между Россией и тюркскими соседями практика выдачи ярлыков на управление была эпизодической. Она являлась рудиментом угасающей золотоордынской государственности, да и действовала лишь непосредственно в зоне татарской государственной традиции и в тех регионах, где сохранялась память об административных устоях Золотой Орды» [59, с. 182–185]. Наблюдения исследователя абсолютно справедливы. Однако нуждаются в некоторых дополнениях и коррекции. Дело в том, что при знакомстве с источниками география рассматриваемой традиции значительно расширяется. Помимо этого становятся известны некоторые дополнительные данные об обязательных элементах оформления подобных грамот.

Поволжье – территория Казанского ханства

Оказывается, что сибирские грамоты были далеко не первыми подобными документами, выдававшимися в Москве. Весной 1551 г. у Ивана IV просили аналогичный документ чуваш и черемисы (марийцы): «государю били челом ото всее Горние стороны, от князей и мырз, сотных князей и десятных, и чувашей, и черемисы, и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжского города быти, и правду государю на том по своей вере дают, чтоб им от государя и их детем неотступным быти и х Казани от Свяжского города не отложитися никак, и пожаловал бы их государь, в ясакех полехчил и дал бы им жаловалную свою грамоту, как им вперед быти. И государь их пожаловал, гнев свой им отдал и воевати их не велел, и взял их к своему Свяжскому городу, и дал им грамоту жаловалную со златою печатью, и ясак им отдал на три года» [46, с. 62]. Исследователи ошибочно интерпретируют данный документ как уставную грамоту и рассматривают его выдачу как важнейший элемент по инкорпорации края в правовую систему Русского государства [64, с. 88]. Однако на самом деле перед нами пример того, как московские власти предлагали сохранять на вновь присоединенных землях привычную систему управления в обмен на безусловную лояльность по отношению к московскому царю. Мы вправе предположить, что подобные грамоты «со златой печатью» выдавались и в иные регионы, некогда входившие в состав Казанского ханства, а также во вскоре завоеванную Астрахань. Ценность подобных документов для населения этих двух татарских царств, в первую очередь заключалась в том, что они, похоже, были абсолютно привычными для них.

И.В. Зайцев высказал идею о том, что Казанское ханство делилось на ряд неравноправных по статусу административных единиц [22]. В таком случае эти образования должны были выстраивать свои взаимоотношения с Казанью на основании некоторых юридических документов, наподобие рассматриваемых нами жалованных грамот.

Кавказ и Закавказье

Имеются и иные направления, в которых упоминаются все те же жалованные («жалованные») грамоты. При этом они изначально выдавались не в Казани, а в Астрахани. В наказе послу в Литву Савлуку Турлееву читаем: «А к государю приехали черкасские князи Пятигорские; а наперед сего приезжали к государю князи черкасские Алкльч князь Езбузлуков сын княжой и иные князи ото всех бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял в свое имя. И государь их пожаловал и посылал к ним посла своего Ондreja Щепотева, и Ондрей у них был и всю землю к правде привел. И прислали, все сгласясь, к государю бити челом Сибока князя, а Цимгука князя и иных князей; и Сибок князь з братьею и с своими лучшими людми, человек их со сто, били челом о том же, чтобы их государь с всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякой год по тысяче аргамаков, да ходити князем на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по дватцати тысяч» [57, с. 479–480].

У этого сообщения имеется своя предыстория. В ноябре 1552 г. «приехали к государю царю и великому князю черкасские государи князи Маашук-князь да князь Иван Езбузлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил» [47, с. 228]. По мнению С.Х. Хотко, этому способствовало не только усиление крымского (османского) давления, но и резкое, после 1546 г., ослабление Астраханского ханства. «В геополитической комбинации Бахчисарай–Астрахань–Черкесия, сложившейся во второй половине XV в. и определявшей расклад сил в обширном регионе Крыма, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, выпало астраханское звено, но ненадолго, и оно было замещено Москвой» [63, с. 302].

В августе 1555 г. прибыло второе черкесское посольство, возглавляемое старшим князем Жанея Сибоком. Они просили «помочь на Турьского городы и на Азов и на иные городы и на Крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детми во векы» [47, с. 259].

У Черкесии была длительная история взаимодействия с Астраханью. При этом Крым неоднократно вклинивался в них, претендуя на Северный Кавказ как на свое золотоордынское наследие. Впервые Гирей однозначно заговорили о себе как о главных наследниках Большой Орды после ее разгрома в 1502 г. Установить свое окончательное прямое господство в низовьях Волги ни Менгли-Гирей, ни Мухаммед-Гирей не могли. Им хватало сил только для совершения отдельных походов [20, с. 74–81]. Тогда, похоже, черкесские князья впервые ощутили себя в некоем правовом вакууме. Хотя, по-видимому, они выигрывали от значительного ослабления астраханских ханов. Слабый сюзерен не мог активно вмешиваться в их дела. Но усиление Крымского ханства им было не выгодно. Ведь если Гиреям удалось бы прочно закрепиться в Астрахани, то Северный Кавказ оказался бы в крымских тисках. Во время недолгого правления в городе Ислам-Гирей бин Мухаммед-Гирей (1531–1532 гг.) это, по-видимому, стало сбываться. Возможно, именно как реакция на это «пришед ко Азсторокани безвестно Черкасы да Астрахань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь; а

на Азторохани учинился Ак-Кубек царевич» [47, с. 61–62]⁹. Позднее стали известны подробности: «Аккубеку царю было прибежище в Черкасех, и они его доля посрамились, да Азстрахань взяв и дали ему» [49, с. 45, 80, 133]. Очень важно замечание: «и пошли прочь». Тем самым дается прямое указание на то, что они не собирались устанавливать свой контроль над городом. Им достаточно было получить от имени своего ставленника очередной ярлык (жалованную грамоту) на свои владения. И.В. Зайцев сделал предположение о том, что и второй раз, в 1545 г. Чингисид захватил власть при помощи своих родственников [20, с. 115]. Однако далее он утверждает, что второй раз на царство Ак-Кобека поставили ногаи [20, с. 140–141]. Интересно, что очередной астраханский хан Ямгурчи бин Бердибек, отнявший трон у Ак-Кобека в 1546 г., также был черкесским ставленником: «И Ямгурчей царевич в свойстве учинился, и они ему юрт ево, взяв, дали» [49, с. 80]. При пленении гарема хана в 1554 г. отмечена другая царица Крым-Шавкалова (Крым-Шамхалова или же Шамхалова) царева дочь Кандаза [47, с. 243]¹⁰. Черкесская жена не указана. Что впрочем, нельзя считать доказательством ее отсутствия. Интереснее другое, Ямгурчей бежит из Астрахани не к Черкесам, а в Тюмень [47, с. 243]. Поэтому, похоже, престол ему добыл все же тюменский шамкал (шаукал). Военное значение города постепенно падало. В конце 1549 г. или в начале 1550 г. он был захвачен на какое-то время московскими казаками. Показательно, что Ямгурчей бежал из города опять-таки к Черкесам. Разбирая этот сюжет, И.В. Зайцев приходит к выводу, что город после взятия был дан во владение некоему хану, имя которого нам неизвестно. При этом победители как-то оформили его обязательства, в результате чего Астрахань стала рассматриваться в Москве как владение с правами близкими к вассальному [20, с. 142–145]. Однако у этого построения все же имеется слабое место. Подобное поведение казаков требует высокой административной организации участников набега, и определенной смелости в государственном строительстве. Отряд Ермака после покорения Сибири сообщил об этом московскому государю, быть может, начал практику объясачивания местного населения, однако в создании неких управленческих структур замечен не был. Если же с ними послали государева воеводу, то он и подавно не пошел бы сам на подобное самоуправство¹¹. Но неразберихи вокруг Астрахани, похоже,

⁹ Справедливости ради следует сказать, что Ак-Кубек стал астраханским ханом не сразу после Ислам-Гирея. Непродолжительное время в городе сидел Касим бин Саид-Ахмед [20, с. 115].

¹⁰ Крымшамхал – второй человек (наследник) в иерархии Шамхальских (государственного образования на Северном Кавказе в районе современного Дагестана) правителей.

¹¹ Имеется упоминание о тех событиях, казалось бы, позволяющее говорить о походе 1549/50 г. как о спланированной государственной акции. Оно сохранилось в родословной росписи Колупаевых поданной в 1686–1688 гг. в Палату родословных дел: «В лето 7058-го при державе великого государя царя и великого [князя Ивана] Васильевича всеа России был на службе в Астра[хани со многими] ратными людьми Михайло Колупаев, да с ним в товарищах Иван Черемисинов. И писали из Астрахани с Онтоном Потуловым к великому государю к Москве, как пришли они в Астрахань, а город пуст: царь и люди выбежали. И они в город вошли с ратными людьми, и город зделали и укрепили твердо, и за царем астраханским в поход ходили и ево побили, и суды ево все пожгли и бились с ним долго, и пришли в Астарахань, дал Бог, в добром здравье» [65, с. 296]. Однако она самом деле здесь описывается взятие города в 1556 г. [20, с. 169–170].

было достаточно, чтобы город потерял свою сакральную ценность, по крайней мере, для Черкес. Поэтому они и повернули свои взоры в сторону Москвы. Остается один вопрос. Первое посольство от черкесских князей пришло в ноябре 1552 г. Когда оно отправилось в путь, было им уже известно о казанском взятии? Позднее русская сторона так выстраивала логику событий: «А как поручел Бог великому государю блаженные памяти царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии самодержцу царство Казанское и Астараханское, и Черкасы горские со всею Кабардинскою землею, узнав своих прирожденных государей, били челом государю нашему, блаженные памяти царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии в службу и во всей воле его учинились» [39, с. 49]. 14 сентября 1554 г. в переписке с Польско-Литовским государем Сигизмундом-Августом Иван Грозный включил в свой титул определение «царь Астраханский» [20, с. 162].

А.М. Некрасов подробно разбирает крымско-черкесские взаимоотношения этого периода. Его наблюдения очень хорошо ложатся на наши построения. Весной 1519 г. крымский хан Мухаммед-Гирей I сообщал Василию III: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать, также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быти готовы. И яз к ним посла посылаю; также и из Тюмени, и оттоле к нам люди пришли, и тех людей речи таковы ж» [56, с. 116; 33, с. 116]. Тем самым они стремились предотвратить грабительские крымские походы. Это удалось им на 10 лет. Но в 1530-х гг. черкесские князья, похоже, решили отложиться от Крыма и посадили на астраханский престол своего ставленника, который и выдал им новую жалованную грамоту. Данный шаг в свою очередь привел к напряженности с Ногайской Ордой. Ногаи совершили поход на Северный Кавказ. В 1539 г. большой поход на жанеевских черкес провело и Крымское ханство. От него, прежде всего, пострадали жанеевцы. Но в целом эта военная акция не достигла своих целей. Жанеевские черкесы в большей степени оказались вовлечены в крымскую политику. В реестре османских доходов с Таманского полуострова в 1540-х гг. появляются новые графы доходов и расходов: жалованье «черкесским бьям» и подушная подать с черкесов. Черкесские жены регулярно фиксируются у крымских ханов. Родственники цариц добиваются хорошего положения при дворе. Согласно более поздним свидетельствам, бесленевские черкесы обладали правом воспитания у себя детей крымских ханов (становились аталыками) [33, с. 70–71]¹². Более того, они назначались турецкими султанами санжак-бьями¹³ Кафы [23, с. 27; 21].

¹² Аталычество (тюрк. аталык–вместо отца, от ата – отец, в русских источниках дядька или мамич) – обычай, по которому знатные родители отдавали своих детей (как правило, сразу же по их рождении) на воспитание, был распространен среди многих народов на Кавказе, у древних кельтов, арабов, в Крыму, Ногайской Орде, среди славян, в Казани, Астрахани, Сибири. Возращение воспитанника в родную семью происходило по достижению определенного возраста (у одних народов – зрелости, у других – 7 – 8 лет) в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками между воспитателями и родителями [12; 26; 1]. Жены аталыков зачастую являлись кормилицами. В таком случае их дети становились имилдешами (молочными братьями) [17; 18; 66]. Как правило, у Чингисидов это, зачастую, наиболее привилегированные члены двора. Их положение всецело зависело от статуса воспитанника или же брата. Но при этом благодаря своему происхождению (крепкие, но не родовитые семьи) они не могли

Но это не освобождало их от поставок черкесских невольников в Крым. По одной из версий, поход 1545 г. был вызван отказом князем Кансауком прислать турецкому султану установленное число невольников. Приблизительно в это же время Ак-Кобек второй раз ненадолго становится астраханским ханом. Однако в 1549 г. ногайский бий Исмаил сообщает Ивану IV: «Тюмень и Черкасы Кабардинские нам здалися» [33, с. 116–136]. Со своей стороны добавим, ногайские бии, конечно же, не могли выдавать жалованные грамоты, но это входило в прерогативу посаженных ими марионеточных астраханских ханов. Мы не видим единства среди западных и восточных черкесов. Хотя в отдельные моменты их интересы могли совпадать.

По версии С.Х. Хотко начало политического диалога Темрюка Идарова (Айдарова) с московским царем было вынужденным, он явно не пользовался всеобщей поддержкой в Кабарде и нуждался в сильном союзнике [63, с. 305–307]. Этот союз в геополитическом плане для Ивана IV был более безопасен, ведь князь нуждался в помощи не в борьбе с Турцией, а только против Шамкала. Но при этом в Москве уже сложилось собственное видение ситуации на Кавказе. И Темрюк ни в коей мере не стоял на первых ролях. После смерти царицы Анастасии, первой супруги Ивана Грозного, в феврале 1561 г. «послал царь и великий князь в Пятигорские Черкасы в Оджанские у Черкасских князей дочерей смотрити Бориса Ивановича Сукина да с Борисом же вместе отпустил Черкасского князя новокрещена Гаврила Тазрутова сына» [47, с. 332]. Это значит, что изначально московский царь собирался породниться с князем Сибоком (Василий Кансауков). Данный выбор вполне объясним, если мы обратимся к истории брачной политики Гиреев. Первой женой хана Девлет-Гирея и матерью калги (наследника престола) Мухаммед-Гирея была дочь черкесского князя Тарзатыка. Ее братья – Татар-мирза и Ахмет-аспат князя Черкасские фиксируются при дворе Девлет-Гирея. Черкешенкой являлась и одна из младших жен хана. Ее брат служил при ханском дворце. Конюшими у хана и калги были черкесы князя Толбулдук и Верхуша [33, с. 247; 27, с. 151, 201]. Здесь стоит добавить, что Татар-мирза в июне 1557 г. выехал в Россию и некоторое время служил здесь [47, с. 283–284]. Все это были западные черкесы. Следует учитывать и еще один фактор. Западные черкесы сразу проявили значительную гибкость в вопросах веры. Ряд князей при первых же визитах принимает православие. К тому же, по крайней мере, декларативно они все готовы были перейти в христианство [47, с. 320]¹⁴.

Дальнейшая судьба этого посольства неизвестна. Но, похоже, последовал отказ. Хронология событий восстанавливается с трудом. В Никоновской летописи отмечается, что 16 августа 1560 г. было решено «послати искати себе невесты в Литву х королю о сестре да к Свейскому королю о дочерей смотрити

претендовать на его место. Поэтому аталыкам и имилдешам зачастую поручали наиболее важные и щекотливые задания.

¹³ Санжак-бей – правитель санжака, военно-административной единицы в Османской империи.

¹⁴ О том, что адыги были православными христианами свидетельствуют большинство авторов XV–XVII вв. При этом зачастую отмечается, что они плохо исполняли церковные предписания. Упадок православия стал следствием ослабления связей с иными православными народами. На самом деле здесь присутствовала некая смесь из христианства, ислама и древних языческих верований. По крайней мере, русская православная церковь требовала их обязательного повторного крещения [33, с. 70–71].

да в Черкасы у Черкасских князей дочерей же смотриши» [47, с. 329]. Когда стало ясно, что в Литве и Швеции найти супругу не получится, по-видимому, наспех в феврале 1561 г. отправили посольство к Жанеевским князьям. Остается неразрешенным вопрос: когда послали людей к Кабардинским князьям? Рассматривались западные и восточные черкесские княжны как равнозначная альтернатива или же здесь имелись определенные предпочтения? Почему к Жанеевским черкесам посольство было направлено зимою, явно наспех? Мы не можем однозначно утверждать, что дочь Темрюка Идарова была запасным вариантом, но и отказываться от этой версии нельзя. Далее события развивались стремительно. 15 июня 1561 г. Кученая (Гошаней) Темрюковна приехала в Москву. 6 июля ее огласили и нарекли имя в честь святой Марии Магдалины. Тогда же царь объявил ее своей невестой. 21 августа, через неделю по завершении Успенского поста, состоялось венчание [47, с. 333].

Союз с Сибоком был окончательно разрушен. Е.Н. Кушева видит в этом явное вмешательство польского короля Сигизмунда II Августа, оказанного через князя Д. Вишневецкого. В сентябре 1561 г. он приглашал на службу «до Великого княжества Литовского» черкесских князей. В 1563 г. из России в Литву бежали трое князей Черкасских: Гаврила Камбулатович (Газруков сын), Касим Камбулатович¹⁵ и Александр Васильевич (Сибокович). В это время там уже находился брат Сибока [27, с. 221; 19, с. 364]. Москва безуспешно пыталась вернуть их. С этого момента кабардинские князья захватывают безусловное главенство среди князей Черкасских в России. Для Темрюка, похоже, брак дочери с московским царем был шансом сохранить и упрочить власть на Кавказе. Ведь его положение было по-прежнему шатким¹⁶. Значительный русский военный отряд, расквартированный на Северном Кавказе, изменил расстановку сил в его пользу.

Возникшая ситуация с верховным сюзеренитетом оказалась довольно устойчивой. Жанеевские черкесы вошли в плотное взаимодействие с Крымом или даже напрямую с Турцией. Кабардинские же князья как минимум до первой четверти XVII в. получали жалованные грамоты за золотой печатью из Москвы¹⁷. Это в полной мере позволяло говорить московским царям: «А кабардинские Черкасы издавна холопи государевы» [40, с. 363]. Другой вопрос как эти взаимоотношения воспринимали сами черкесские князья.

Похоже, мы имеем все основания включить в регионы, где получили распространение грамоты за золотой печатью и территорию Северного Кавказа. Здесь, однако, явно имелись свои особенности. Верховным сюзереном изначально выступала не Казань, а Большая Орда, а за ней Астраханское ханство. Показательно, что черкесские князья обратились к Ивану IV в тот момент, когда Астраханское ханство формально еще было самостоятельным

¹⁵ Этот князь упоминается только у К.Ю. Ерусалимского [19, с. 364].

¹⁶ В октябре 1563 г. Г. Плещеев сообщал: «А посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темгрюку князю Айдаровичю посольством и оберегати его от его недругов от Черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили. А сказывал Григорей. Пришел он в Астрохань в 71-м году ноября в 3 день, а Темгрюк-князь был в то время от своих недругов приехал в Астрохань и с сыном своим з Домануком» [47, с. 371].

¹⁷ «Дана сия наша царская жаловальная грамота, и золотую печать велели к сей грамоте привесити, в государствия нашего Дворе граде Москве, лета от создания миру 7097, июля месяца» [4, № 479, с. 397–399]. См. также [27, с. 317–318; 9, с. 8–9; 38].

государством. По-видимому, на Кавказе прекрасно чувствовали грядущие изменения и даже считали возможным опережать их. Также следует учитывать и тот факт, что за легитимацией своих прав черкесские князья могли обратиться к Бахчисараю. Через некоторое время западные (Жанеевские) черкесы так и поступят. Восточная (Кабарда) сохранит промосковскую ориентацию и в дальнейшем. В этом плане интересно, что первоначально в сторону Москвы повернулись западные черкесы. Активный диалог с Кабардой начнется только в 1557 г. Причину переориентации Жанеевских черкес, по-видимому, следует видеть в том, что Иван IV не захотел из-за них ссориться с турецким султаном [47, с. 259].

По-видимому, подобные грамоты посылались и грузинским царям. В Титулярнике 1670 г. читаем: «3 95-го (1586/87) году иверские цари со всею своею ордою учинились в подданстве у государей, государей царей и великих князей российских по присылке и по прошенью иверского Давида царя»¹⁸. Через 1–2 десятилетия именно такие отношения стали настойчиво, но безуспешно навязываться Москвой казахскому хану Таваккулу¹⁹ и калмыцким тайшам²⁰.

Югра

Однако имеется регион, в котором подобные грамоты фиксируются в еще более ранний период. Сохранились тексты грамот данных в 1525 г. Василием III обским самоедам [44, с. 6] и Иваном IV в 1556/57 г. югорскому (ювсейскому) князю Певгею²¹. Но по косвенным данным их могло быть значительно больше. Русские княжества, в первую очередь Великий Новгород, имели богатый опыт взаимоотношений с Югорской землей, которая привлекала к себе неисчерпаемыми запасами пушнины [34]. Московское княжество заинтересовалось возможностями, которые давали контроль над этими территориями только во второй половине XV в. [60, с. 131–140; 43, с. 109–153]. В 1465 г. Иван III послал на Югорскую землю устюжанина Василия Скрыба с охочими людьми. Поход оказался удачным. Попавших в плен князей (Калпак и Течик) привели к московскому государю. Здесь, наложив дань, пленников отпустили восвояси [45, с. 46, 91, 107, 114, 134]. Князья должны были принести шерть. В нашем распоряжении имеется описание подобной процедуры, совершенной 31 декабря 1584 г. вогульскими князьями в Усть-Выме [43,

¹⁸ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 15. Л. 282 об. «Грузинские земли началнику Александру князю Иверскому... и свою царскую грамоту жаловалную з золотою печатью к тебе, Александру князю, пришло...» [9, с. 14–15].

¹⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2.

²⁰ «А наше жалованье к ним пришлем вскоре. А ясак велели есмь имати с них лошадейми и верблюдь, или иным чем, чтоб им не в нужу. А они б колмацкие тайши, Изиней и Баатыр с товарищи, были под нашею, царьскою, высокою рукою и ехали б они, лучшие тайши, сами к нам, великому государю, к Москве. А подводы им и корм в дорогу дадут много тотчас. И они сами увидят наши, царские, очи. А мы их пожалуем своим жалованьем, и жаловалные грамоты велим им подавати за золотыми печатями» [52, № 1, 2. С. 22–23; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 103–103 об.].

²¹ «У подлинные великого государя грамоты печать на шелковом мутовозе серебрянная, вызолочена; а на печати великого государя Ивана Васильевича в лице орел двоеглавый с коруны, а позади той печати чеканено: великий царь и великий князь Иван Васильевич» [30, с. 324–325].

с. 149–150]. После этого была дана аудиенция на отпуске, во время которой князей пожаловали дорогими тканями, а также, возможно, доспехами, оружием и серебряной посудой. Им также должны были выдать некий документ, в котором фиксировались новые права и обязанности сторон. Жалованная грамота подходила для этих целей как нельзя лучше. На Югру новых подданных отправили в сопровождении великокняжеских представителей и военного отряда. По прибытии на место следовало перед всеми князьями и земскими людьми прочитать великокняжескую жалованную грамоту, в которой объявлялось о том, что Иван III взял эту землю под свою высокую руку и передал власть над осяками и вогулами их прежним князьям. Возможно, проводились какие-то иные церемонии. После этого сопровождавшие, собрав ясак, вернулись в столицу. Пораженные же величием русского государя князья, по ожиданиям Москвы, должны были еще долго рассказывать своим соплеменникам об увиденных ими чудесах и невообразимом богатстве и мощи русских.

В 1483 г. русский отряд под командованием кн. Ф. Курбского и И.И. Салтыка Травина совершил глубокий рейд за Уральский хребет. По одной из версий, операция в первую очередь проводилась против князя Асыка и его сына Юмшана, пришедших перед этим в набег на русские земли [28].

14 марта 1484 г. в титуле Ивана III впервые встречается князь Югорский [55, с. 41]. Несколько позднее в нем также начинают упоминаться Обдорское и Кондинское княжества. Данные факты нельзя преувеличивать. В Москве прекрасно понимали, что добиться принесение шерти от югорских князей значительно проще, нежели установить реальный контроль над этой территорией. Это обладание было слишком эфемерным. В большом титуле данные географические объекты появились как реакция на усложнение интитуляций грамот турецких султанов и римских императоров²². Однако следует учитывать и тот факт, что именно эти два княжества являлись наиболее последовательными союзниками Москвы во всем регионе. В отдельные периоды влияние России на севере Зауралья было особенно сильным.

Причины подобного усиления следует видеть в событиях 1499–1500 г., тогда в результате временного ослабления власти Москвы в регионе потребовался еще один поход на Югру. Под командованием кн. С.Ф. Курбского, кн. П.Ф. Ушатого и В.И. Бражникова Гаврилова за Урал отправили отряд в 4024 человека [50, л. 27 об. – 28. с. 29; 51, л. 28–28 об. с. 55–56].

Но этот поход не смог привести к окончательному присоединению данных земель к Москве. В 1517 г. на Югру посылают очередную рать. 31 декабря 1517 г. в погосте Лена на реке Лена (приток р. Вычегда) писец Васюк закончил переписывание Псалтыри на страницах которой он оставил следующую запись: «Того же лета ходили воеводы великого князя в Югру князь Иосиф Тимофеевич Оболенски да князь Ондрей Федорович Пестриков вои...» [62, с. 65; 32].

В описи царского архива XVI в. не сохранились упоминания о каких-либо югорских документах [36]. Нет их и в Титулярнике 1577 г., хотя там приводятся интитуляции и инскрипции переписки с черкесскими князьями²³,

²² РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14.

²³ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14.

с которыми по своему статусу югорская знать находилась в близком положении. Причин этого могло быть несколько: 1) гибель грамот; 2) относительная незначительность югорских князей (в Москве неплохо разбирались в статусе восточных правителей; 3) отсутствие письменной культуры у этих народов²⁴; 4) югорский архив мог откладываться в ином месте. Из-за большой удаленности от столицы контролировать вновь приобретенные земли могли из Перми. С этим краем связаны многие югорские события более позднего времени. К примеру, некоторые князья шертовали именно здесь, а не в Москве. На Вымь платил дань с 1586 г. ляпинский князь Лугуй [58, № 54. С. 88–89].

Большое значение для нас имеет текст грамоты царя Ивана IV югорскому (юсерскому) князю Певгею и всем князьям «сорыкидским» 1556/1557 г. Из нее становится известно, что московский царь послал на Югру четырех данщиков. Здесь им требовалось собрать дань «со всякого человека по соболу». После этого данщикам в сопровождении князя Певгея или же его сына или племянника и 2–3 лучших «земских людей» следовало ехать в Москву. Обратим внимание на несколько моментов [30, с. 324–325].

Провожать данщиков велено «югорским князем и югоричем людем добрым от городка до городка и от людей и до людей и беречи наших данщиков во всем по ряду, как преж сего». По аналогии с дипломатическими контактами с Ногайской Ордой логично предположить, что данное «посольство» из четырех данщиков делилось на четыре самостоятельных миссии. Одна направлялась непосредственно к князю Певгею, безусловному лидеру региона, а остальные три – «младшим» князьям, возможно, находящимся в родственных отношениях со «старшим» князем. По-видимому, имелись и иные князья, чей статус не позволял присылки личного данщика. В Ногайскую Орду, Сибирь и Среднюю Азию посылались дети боярские и прикомандированные к ним станицы великокняжеских, а с середины XVI в. – посольских служилых татар со станичными головами / толмачами во главе. При этом в ряде случаев толмачи могли возглавлять собственные дипломатические миссии. Однако присылка сына боярского считалась «честнее» присылки служилого татарина. На Югру вместе с данщиками также должны были послать сопровождающих их лиц. Были это служилые татары или же остяки (ханты), упоминаемые на государственной службе уже в конце XV в. [51, л. 28. с. 56.], неизвестно. Остается открытым вопрос о механизме сбора дани. Ее могли, как передать уже в окончательном виде в четырех княжеских центрах, так и собирать самостоятельно («от городка до городка и от людей и до людей»). Именно по второму варианту происходил сбор ясака в Сибири представителями русской администрации в конце XVI – начале XVII в. Важно отметить, что это не первая подобная операция («как преж сего»). Однако мы не можем говорить об ежегодных выплатах, они могли производиться и через более длительные промежутки времени. В 1586 г. ляпинскому князю предписывалось доставлять дань раз в 2 года.

Однако протокол грамоты князю Певгею имеет несколько разительных отличий от иных подобных грамот. Во-первых, в интитуляции дается сокращенный царский титул, а не полный. Во-вторых, в грамоте ничего не гово-

²⁴ Данный факт не значит, что они не получали и не ценили документы из Москвы даже если не могли прочитать что там написано. Главное было обладать документом, в особенности, если он красиво оформлен [59, с. 5–15].

рится о челобитье югорского князя, чтобы московский государь пожаловал его, держал Югорскую землю «в своем царском жалованье под своею царскою рукою и в обороне от всяких наших недругов». В-третьих, отсутствует пункт о службе государю, в первую очередь военной. В-четвертых, указание на выплату дани и ее размер скорее присуще шертным грамотам. В-пятых, упоминание о посылке данщиков соответствует указной грамоте. Тем более что в документе имеется приписка присущая указным грамотам даваемым людям, отправляемым от имени государя в дальние посылки: «А устюжским и вычегоцкие соли выборным судьям тех наших данщиков с наши царские службы с пути кто своротит или чем изобидит, и тому от меня, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси быть в опале и в продаже». А вот пункт о том, что «а ся вам наша грамота жалованная и опасная» встречается и ранее [44, с. 6].

Жалованные грамоты могли даваться неоднократно. Причин для их повторной выдачи две: 1) смерть московского государя, от имени которого была выдана предыдущая грамота; 2) смена правителя жалуемой территории. В случае с Певгеем – это, по-видимому, второй вариант. В рассматриваемом документе явно прослеживаются элементы жалованной, шертной и указной грамот.

Можно предположить еще одно объяснение. Югорскому князю, возможно, не так важен был текст как обладание грамотой оформленной по определенным правилам. В данном случае наличие вислой серебряной позолоченной печати на шелковом шнуре.

Неизвестно, когда югорские князья стали получать инвеституру в Москве, с конца XV в. или же только с падением Казанского ханства. Сообщение С. Герберштейна слабо нам помогает, слишком оно путано: «В этих местах находятся две крепости: Ером и Тюмень, которыми владеют господа князья югорские, платящие, как говорят, дань великому князю» [16, с. 157]. Отметим, что в январе 1555 г. в Москву пришли послы от сибирского Тайбугида кн. Едигера с просьбой взять Сибирскую землю под государеву руку [47, с. 248]. Однако два этих события объединять воедино нельзя. По формальным признакам, скорее, жалованную грамоту кн. Певгею следует связать с последствиями похода 1499–1500 г. или даже более ранним периодом.

Вполне объяснимо желание русской стороны обязательного приезда к московскому государю самого князя или же хотя бы кого-то из его ближайших родственников, а также «земских людей». Для завершения процедуры требовалось принесение шерти. К тому же нужно учитывать и тот факт, что в Москве личные визиты представителей знати тех или иных регионов в столицу использовали для презентации великокняжеской (царской) власти. Местные элиты требовалось приучить обращаться со своими нуждами в Москву. К тому же данные шаги стимулировались различными подарками и угощениями. В XVII в. это привело к тому, что для ногайских мирз пришлось даже устраивать своеобразное квотирование на подобные поездки. Так высоко было желание решить свои вопросы (как правило, продать лошадей), повидать родственников, да еще получить подарки стоимостью в несколько десятков рублей. В Астрахань для этих же целей при царевиче Мурад-Гирее специально завозили питьевые меды именно для угощения ногайских мирз. То же мы наблюдаем в Сибири, когда здесь в XVII в. в уездных центрах устраивали угощения для коренного населения от имени московского государя.

По-видимому, истоки данной практики следует искать еще в XV в. При желании, начало подобных традиций можно увидеть в пирах и щедрой раздаче подарков правителями раннегосударственных образований своим дружинникам. Отметим, что на рубеже XVI–XVII вв. югорские князья также относительно часто появляются в Москве для решения своих нужд. Но с начала 1630-х гг. подобные поездки постепенно сворачиваются, хотя и не до конца. По-видимому, это проходило в русле общих изменений в статусе служилых иноземцев восточного происхождения наметившихся в это время.

Статус югорских князей в России до 1580-х гг. установить проблематично. Прямых аналогий здесь нет. Хотя приведенные выше факты указывают на сходство положения югорских князей с князьями Еникеевыми в Темникове, черкесскими князьями на Северном Кавказе и ногайскими мирзами. По-видимому, их следует рассматривать как еще одну категорию служебных князей. При этом на них можно было положиться далеко не всегда. С ногайскими мирзами их сближали относительно регулярные нападения на русские земли при отсутствии принципиального неразрешимого антагонизма с Московским государством. Во многом югорские набеги, похоже, обуславливались моделью государственности. При смене правителя тот должен был обосновать свою нужность, полезность. Удачные набеги на соседей – лучший способ доказать наличие харизмы у нового князя. Возможные направления военных ударов были более чем ограничены. Это подчеркивает и периодичность походов на Югру. В настоящее время до похода Ермака нам известны о военных операциях 1465, 1483, 1499 и 1517 гг. Таким образом, они совершались каждые 15–20 лет и, похоже, совпадали со сменой властных элит на Югре. Получается, что между 1517 и 1582 гг. русские военные отряды совершали походы еще от 2 до 3 раз. После очередного похода выдавались новые грамоты или же целая серия грамот.

Упоминание жалованных грамот за золотой печатью, выданных Москвой до казанского взятия, очень важно для нас. Дело в том, что это косвенно указывает на возможность выдачи подобных документов ряду земель, вошедших в состав великого княжества Московского до середины XVI в. Речь идет в первую очередь о таком регионе как Восточная Мещера (Темниковское княжество) [10; 6] и так называемых Арских князьях [24]. В нашем распоряжении нет прямых доказательств этого. Однако развитие данных регионов, где в обмен на лояльность Москве на долгое время сохранялись многие привычные элементы управления, говорит о жизнеспособности предложенной версии. К тому же в определенные моменты (не позднее 1480-х гг.) в Восточной Мещере вполне могла существовать система двойной инвеституры – из Москвы и Казани (или Большой Орды).

Следует остановиться на бытовании в России золотых печатей (правильнее серебряных вызолоченных). Этот вопрос детально проанализировала в своем исследовании М. Агоштон. Она сделала несколько интересных для нас наблюдений. Во-первых, это довольно широкое использование подобных печатей. Ими запечатывались грамоты в Империю, Крым, Литву, Ливонию, венгерскому королю и даже отдельным лицам более низкого ранга (мирза Довлетек и Захария Скарья). Во-вторых, не существовало запаса подобных печатей. Они изготавливались для конкретного послания. При этом в зависимости от адресата на печатях помещался отличный титул. В-третьих, сереб-

ряные вызолоченные печати имели широкое распространение и напрямую или же косвенно фиксируются на жалованных грамотах монастырям, земельным актам, великокняжеских духовных грамотах [2, с. 90–114]²⁵. Однако исследователь ограничился только анализом печатей Ивана III и Василия III.

Бытование вислых золотых печатей

По-видимому, в дипломатической практике грамоты изначально подтверждались вызолоченными аргировулами²⁶. Возможно, прямое влияние на это оказали и грамоты римских императоров. Протокол этих посланий в значительной степени повлиял на формирование формуляра русских грамот. Однако постепенно стала складываться иерархия «честности» адресатов. Помимо этого в Москве рано стали реагировать на обязательные ответные жесты. Если на ответных грамотах не было подобных печатей, то их дальнейшее использование на этом направлении прекращалось. В XVI в. восковые печати начинают явно преобладать. Таким образом, югорские печати не являлись революционным явлением. Это только одна из граней более старой традиции, корни которой уходят еще в Киевскую Русь²⁷. Хотя влияния ханских ярлыков на великое княжение также нельзя отбрасывать. Это наблюдение очень важно для нас. Дело в том, что концепция использования жалованных грамот как своеобразный маркер ареала распространения «затухающей ордынской традиции», вытекающая из наблюдения В.В. Трепавлова [59, с. 182–185], в таком случае может работать только отчасти. Здесь могут иметься и несовпадения. Так нет прямых доказательств включения территории Югры в состав Золотой Орды.

Использование «золотых» вислых печатей затухает постепенно. Однако в дипломатической практике эта традиция фиксируется и позднее. Золотые печати привешивались к шертным грамотам крымских ханов. Именно такую печать приложил к шертной грамоте 1548/49 г. Сахиб-Гирей²⁸. При этом данная практика сохраняется и в XVII в.²⁹ Отметим, что они, похоже, действительно были золотыми, а не позолоченными. Д. Колодзейчик вслед за М. Усмановым отвергает всякую возможность использования крымской канцелярией вислых печатей в XVI в. Он фиксирует их только в XVII в. При этом отмечает, что печать называлась байсой и крепилась на серебряном шнуре [25]. Однако оба исследователя оказались неправы. Шертные грамоты изначально оформлялись с вислою печатью – байсою (пайцзою). В ханской грамоте 1508 г. читаем: «да на той бы тебе грамоте шерть дал; да пожаловал бы тебя, ту грамоту и к тебе прислал, да и свою еси грамоту прислал за золотою печатью» [55, с. 32]³⁰. Этот факт следует рассматривать, как косвенное указание на то, что первые печати к крымских ханам были не позолоченными, а золотыми.

²⁵ Исследователь не отметил еще одно государство, в переписке с которым фиксируются золотые печати – Дания [36, с. 24].

²⁶ Аргировул – в сфрагистике двусторонняя подвесная серебряная печать. Печать из золота называется хрисовул.

²⁷ Это отдельная тема, которую мы не затрагиваем в рамках данной публикации.

²⁸ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 56.

²⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 7. Л. 25.

³⁰ Источники также фиксируют значительное количество «золотых грамот». В этом случае дается указание на то, что часть текста документа была написана золотом.

Обратим внимание еще на один немаловажный момент, цвет шнура для подвешивания печати. Как установил Д. Колодзейчик, в Крыму он был серебряный. Однако в России для этих целей использовали красный цвет³¹. Для того, чтобы делать окончательные выводы у нас слишком мало информации. Но, по-видимому, в Москве не привилась ордынская традиция. Откуда же она появилась? Ответить на этот вопрос в настоящий момент нельзя. Возможно, это византийское влияние. Кстати, в Византии хрисовулы использовались для опечатывания только императорских документов особой важности.

Следует отметить, что, по-видимому, древние ордынские пайцзы еще в XVII в. сохранялись в отдельных православных обителях. Монастырское предание (рязанского Иоанна-Богословского Пощуповского монастыря) гласит, что за исцеление слепоты «хан Батый» велел приложить к иконе Иоанна Богослова свою золотую печать. Много позднее, в 1653 г., архиепископ Рязанский Мисаил приказал изъять ее и употребить на позолочение серебряной водосвятной чаши [41, с. 59; 35, с. 14–15]. А вот в великокняжеском (царском) архиве ордынские «печати» не фиксируются. Этому имеется логическое объяснение. На определенном этапе в Москве посчитали за благо забыть о своем прежнем подчиненном положении. В результате этого возник определенный парадокс. Золотые печати на «жаловальных» грамотах имели явные ордынские корни, но при этом, по-видимому, типологически происходили от европейских (цесарских) вислых печатей или более ранней великокняжеской традиции использования подобных удостоверяющих знаков уходящей, как минимум, в XIV в.

Золотой царской печатью была скреплена и «докончальная» грамота со шведским королем Эриком XIV 1566 г., по которой Ивану IV в жены требовалось отдать Катерину Ягелонку, жену брата короля Юхана и дочь польского короля Сигизмунда I Старого, а также заключить антипольский договор³². В 1582 г. Папа Римский с А. Поссевино прислал грамоту за золотой печатью [36, с. 64]. По-видимому, мы привели далеко не полную выборку всех имеющихся случаев. Однако полученный материал показывает, что несмотря на явное преобладание восковых, печати из драгоценных металлов не пропали окончательно. К тому же благодаря определенной исключительности по сравнению с прошедшей практикой эти предметы приобрели более высокий статус.

Подобные печати не исчезли и позднее. Сведения о них приходится искать в самом широком кругу источников. При этом на рубеже XVI–XVII в. они становятся по-настоящему золотыми. 1624 г. 12 марта «Принес Посольского приказа подъячий Третьяк Микитин грамоту государеву блаженной памяти

³¹ На самом деле все значительно сложнее. Нам неизвестны исследования о шнурах для подвешивания печатей. Их цвет имел различную цветовую палитру: красные, черные, белые, синие. Единственный сохранившийся аргировул Ивана III имеет красный шнур. Этот цвет и впоследствии будет рассматриваться как наиболее статусный. Однако на грамоте Василия III императору Максимилиану мы видим шнур, состоящий из переплетений более тонких шнуров 2-х цветов. Один из них явно традиционно красный, а другой содержит в себе металлические (серебряные?) нити. По-видимому, перед нами пример исканий великокняжеской канцелярии при выработке стандартизированных примеров оформления грамот к адресатам различного статуса (2, цветная вклейка № 11, 14–15). В практике XVII в. золотые и серебряные шнуры фиксируются в оформлении дипломатических договоров с европейскими странами.

³² РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 123.

[м.т.] Федора Иоанновича жалованную обители Введения Пречистой Богородицы Сербского монастыря у ней печать золотая привесная литая с уборком, а приказал государь зделать такову-ж печать на свое государево имя. И та печать отдана делать Офонасию Степанову. А на то дело дано ему 20 золотников золота». 22 апреля, по памяти из Посольского приказа было велено сделать «к государевой жалованной грамоте какову дати Кабардинскому Пшималу князю Кайбулатовичу Черкасскому печать золотую весом и величиною по образцовой печати весу в образцовой печати полгривенки. И та печать дана делать Офонасью Степанову» [15, с. 511–512; 38]. Данное сообщение интересно нам сразу по нескольким позициям. Мы видим, что аргировулы окончательно превращаются в хрисовулы. При этом традиция их изготовления, похоже, получает дальнейший импульс. По-видимому, все черкесские жалованные грамоты с конца XVI в. стали золотыми. Другие хрисовулы, похоже, посылались по монастырям. При этом материал, из которого они изготовлялись, а также их вес, в приведенных примерах он составлял ок. 85 и 100 гр. соответственно, превращал их самих в заметный вид пожалований. Однако это же стало причиной того, что они не сохранились до нашего времени.

Отметим еще один интересный сюжет. В 1598 г. под соборным определением об избрании царем Бориса Федоровича Годунова были привешены 14 печатей: патриаршая – золотая; четырех митрополитов (новгородского, казанского, ростовского и сарского), а также вологодского архиепископа – серебряные вызолоченные; восемь печатей архиепископов и епископов – серебряные [5, с. 46; 61]. Мы привели пример определенной институализации более старых практик. В XVII в. история с печатями получила дальнейшее развитие. Начиная с 1630-х г. придворные ювелиры начинают изготовление серебряных городских печатей. Так, мастеру Василию Малосольцу в 1634 г. по памяти из приказа Казанского дворца поручили сделать одиннадцать серебряных печатей в сибирские города. Средний вес городской печати составил ок. 16 гр. Несколько позднее В. Малосолец сделал печать «на Терек» весом «полчетверта» золотников – ок. 15 гр. и таможенную печать в Туруханский острог в четыре золотника – ок. 17 гр. [38]. Таким образом, практика использования вислых печатей из драгоценных металлов, получила в Русском государстве еще несколько неизученных сюжетов.

Но вернемся к жалованным грамотам за золотыми печатями. Как мы видим, в них органично соединились две традиции – русская и ордынская. По-видимому, каждая из сторон очередного пожалования вкладывала в них свой смысл и особо не задумывалась о том, как это интерпретировали их визави. Данная форма утверждения отношений «подданства», похоже, возникла еще в XV в. и просуществовала, как минимум до 1620-х гг. Однако пик активности выдачи подобных документов приходится на середину XVI в., когда, в результате завоевания Казанского и Астраханского ханств Иваном IV, была нарушена складывавшаяся до этого столетиями под эгидой Золотой Орды система подтверждения владельческих прав на землю. При этом в Москве подобную практику организации взаимоотношений посчитали вполне успешной и активно пытались насаждать ее на постордынском пространстве. Однако систему подобных жалованных грамот нельзя рассматривать как набор неких шаблонных требований. Она была гибкой и подразумевала широкий спектр отношений от жесткого подчинения до декларативного заявления

о подданстве. Наблюдение за югорскими грамотами позволяет определить момент, когда грамоты за золотой печатью были уже не положены. Вызолоченные аргировулы полагались тем народам и правителям, которые официально заявили о вассальных отношениях по отношению к московскому государю, однако на практике контроль над ними был более чем проблематичен. С усилением русской власти в регионе грамоты начинались скрепляться красновосковыми печатями на красном шелковом шнуре. Именно такую грамоту в 1586 г. получил ляпинский князь Лугуй [58, № 54. С. 88–89].

Удалось выявить, что ареал распространения подобных документов довольно широк. При этом со временем могут быть обнаружены свидетельства их бытования на новых территориях. Главными претендентами здесь следует признать пермские (Пермь Великая) [14]³³ и мордовские земли, а также Тюменское княжество (ханство) на Кавказе.

Обратим внимание еще на один момент. До настоящего времени не сохранилось ни одной золотой печати, скреплявшей рассматриваемые нами документы. Однако подобные грамоты, по-видимому, несли некоторую дополнительную ценность для их обладателей (хранителей) и позиционировались как статусные предметы. Поэтому можно допустить, что даже после гибели документа печати могли сохранять статус своеобразного знака власти. Со временем их могли даже вмонтировать в женские украшения. Поэтому остается надежда на то, что при анализе музейных или же частных этнографических коллекций нас ждут новые открытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисян Р.Р.* Аталычество как система народного воспитания // Вестник Пятигорского Государственного лингвистического университета. 2003. № 4. С. 13–15.
2. *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М.: Древлехранилище, 2005. 462 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. I. 614 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2002. Т. III. 680 с.
5. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. II. 413 с.
6. *Акчурина М.М.* Административно-территориальное устройство Мещеры XV – начала XVII вв. (Этнополитические аспекты): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 257 с.
7. Башкирские народные предания и легенды. Уфа: Китап, 2015. 528 с.
8. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 303 с.
9. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Выпуск 1-й. 1578 – 1613 гг. М.: Университетская типография, 1889. 715 с.
10. *Беляков А.В.* Темников XV–XVII вв. – город с особым статусом // Вызов времени: Становление централизованных государств на востоке и западе Европы в конце XV – XVII в. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2019. С. 423–430.

³³ По своему положению они сильно напоминают темниковских князей.

11. Беляков А.В. Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 372–391.
12. Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В. Институт аталычества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436
13. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6: *Rex Mongolica* и европейские потрясения XIII–XIV вв. С. 229–243.
14. Вершинин Е.В. Еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. (Проблемы истории России. Вып. 3). С. 285–305.
15. Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг. Вып. 2. М.: Типо-литография С.П. Архипова, 1883. 292 с.
16. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988. 430 с.
17. Добродомов И.Г. Еще раз о молочных братьях (эмилдеш) // Алтайские языки и восточная филология: памяти Э.Р. Тенишева. М.: Восточная литература, 2005. С. 157–161.
18. Добродомов И.Г. Эмилдеш – имильдеш // *Turcologica*. 1986. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 115–119.
19. Ерусалимский К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 1012 с.
20. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
21. Зайцев И.В. Брат султана Мурада III на имя Мехмеда о назначении его сандажакбеем Кафы и эмиром черкесских земель (1590 г.). О происхождении и хронологии назначений некоторых кафинских сандажакбеев 1560-х – 1590-х годов // Средневековый Восток. Памяти героя Советского Союза академика З.М. Буниятова. Баку: ЭЛМ, 2015. С. 72–86.
22. Зайцев И.В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 188–206.
23. История и родословная черкесов: издание рукописи тюркского исторического сочинения XVIII в. М.: Издательство Восточная литература, 2019. 110 с.
24. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства. М.: Издательство «ФЭН» РН РТ, 2010. 224 с.
25. Колодзейчик Д. Попытка восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII в.: байса, тат ве тавчаг // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.
26. Косвен М.О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2. С. 41–62.
27. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Академия Наук СССР, 1963. 371 с.
28. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 115–123.
29. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. №1. С. 97–111.
30. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. I. 630 с.
31. Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–247.
32. Морозов Б.Н. Новое о древнепермской письменности в Коми крае в начале XVI века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур

финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар: Издательство Коми научного центра УрО РАН, 2005. С. 142–143.

33. Некрасов А.М. Избранные труды. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 255 с.

34. Овчинникова Б.Б. Взаимодействия Новгорода с Югрой (XI–XV вв.) // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 13–30.

35. Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. Рязань: Б.и., 1998. 192 с.

36. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М.: Издательство Восточная литература, 1960. 195 с.

37. Опись архива Посольского приказа 1626 г. М.: Б.и., 1977. 416 с.

38. Орленко С.П., Мельник Г.К. Ремесленники придворных мастерских XVII века «у дела государевых печатей» (К юбилею Большой государственной печати 1667 г.) // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. М.: БуксМАрт, 2019. Кн. 1. С. 114–125.

39. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. Т. II. 447 с.

40. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. I. 455 с.

41. Пискарев А. Обзорение древностей и достопримечательностей г. Рязани и ея уезда // Рязанские губернские ведомости. 1845. № 10. Неофициальная часть. С. 59.

42. Писцовые книги XVI в. СПб.: Типография II отдел. собств. Е.И.В. канцелярии, 1872. Отделение I: местности губерний Московской, Владимирской, Костромской. 931 с.

43. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Археологический центр, 1993. 160 с.

44. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 431 с.

45. Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

46. Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.

47. Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

48. Полное собрание русских летописей. Т. XX: Львовская летопись. М.: Языки русской культуры, 2005. 704 с.

49. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.

50. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 617 с.

51. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт Истории СССР, 1977. Т. I. Ч. 1. 188 с.

52. Русско-Монгольские отношения 1607–1636 гг. М.: Издательство Восточная литература, 1959. 352 с.

53. Самигулов Г.Х. О локализации области Тахчеи в XVI веке // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 224–236.

54. Самигулов Г.Х., Свистунов В.М. Что такое старая Казанская дорога? // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск, 2007. С. 66–72.

55. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. О. Елеонского и К^о, 1884. Т. 41. 638 с.

56. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Типография А. Траншеля, 1895. Т. 95. 788 с.
57. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К^о, 1887. Т. 59. СПб., 1887. 708 с.
58. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Селивановского, 1819. Ч. 2. 399 с.
59. *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.
60. Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. 560 с.
61. *Усачев А.С.* Вологодская кафедра и Иван IV // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2. (в печати)
62. *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. Т. 2. 528 с.
63. *Хотко С.Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2017. 543 с.
64. *Чибис А.А.* К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI – XVII веках // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 87–98.
65. *Шаббаев Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Алексин, Арзамас, Белев, Белозерск, Боровск, Великие Луки, Верея, Владимир, Вологда, Волоколамск, Воротынский, Вязьма, Галич, Дмитров, Калуга, Кашин, Кашира, Козельск, Коломна, Кострома, Медынь, Мещера (Шацк), Можайск, Муром, Мценск, Нижний Новгород) // Российская генеалогия: научный альманах. М.: Старая Басманная, 2020. Вып. 7. С. 269–426.
66. *Vasary I.* The institution of Foster-Brothers (emildäš and kökaldäš) in the Chingisid States // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. XXXVI. Fasc. 1–3. Budapest, 1982. P. 549–562.

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

Поступила 13.01.2022 Принята к публикации 2.03.2022

Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Avetisyan R.R. Atalychestvo as a system of public education. *Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*. 2003, no. 4, pp. 13–15. (In Russian)
2. Agoshton M. *The Grand-ducal Seal of 1497. To the History of the Formation of Russian State Symbols*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2005. 462 p. (In Russian)
3. *Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission*. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1841. Vol. I. 614 p. (In Russian)
4. *Acts of Service Landowners from the fifteenth to early seventeenth centuries*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2002. Vol. III. 680 p. (In Russian)
5. *Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire*. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kantselyarii, 1836. Vol. II. 413 p. (In Russian)
6. *Administrative and Territorial Structure of Meshchera from the fifteenth to early seventeenth centuries (ethnopolitical aspects)*. PhD Thesis. Kazan, 2019. 257 p. (In Russian)
7. *Bashkir Folk Traditions and Legends*. Ufa: Kitap, 2015. 528 p. (In Russian)
8. *Bashkir Shezheres*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1960. 303 p. (In Russian)
9. Belokurov S.A. *Relations between Russia and the Caucasus. Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs, Is. 1: 1578–1613*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889. 715 p. (In Russian)
10. Belyakov A.V. Temnikov from the fifteenth to seventeenth centuries: A city with a Special Status. *Time Challenge: Formation of Centralized States in the East and West of Europe from the end of fifteenth to seventeenth centuries*. Kaluga: Kaluzhskiy gosudarstvennyy institut razvitiya obrazovaniya, 2019, pp. 423–430. (In Russian)
11. Belyakov A.V. Siberian queens. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 372–391. (In Russian)
12. Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V. Institution of Atalykship in the post-Golden Horde World. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436 (In Russian)
13. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. Siberian-Bukhara-Nogai relations in the light of the correspondence between the Bukhara Khan Abdallah and the Siberian Khan Kuchum. *Stratum pius*, no. 6: *Pax Mongolica and European Upheavals of the thirteenth and fourteenth centuries*. 2016, pp. 229–243. (In Russian)
14. Vershinin E.V. Once again about the Vymsky and Velikopermsky princes. *Novgorod Rus: Historical Space and Cultural Heritage*. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2000. (Problemy istorii Rossii. Iss. 3), pp. 285–305. (In Russian)
15. Viktorov A.E. *Description of Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders of 1584–1725*. Moscow: Tipo-litografiya S.P. Arkhipova, 1883. 292 p. (In Russian)
16. Herberstein S. *Notes on Muscovy*. Moscow: Izdatelstvo MGU, 1988. 430 p. (In Russian)
17. Dobrodomov I.G. Once again about foster brothers (emildesh). *Altai Languages and Oriental Philology: In Memory of E.R. Tenishev*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005, pp. 157–161. (In Russian)
18. Dobrodomov I.G. Emildesh – imildesh. *Turcologica. 1986. To the 80th Anniversary of Acad. A.N. Kononov*. Leningrad: Nauka, 1986, pp. 115–119. (In Russian)
19. Erusalimskiy K.Yu. *In the Service of the King and the Commonwealth*. Moscow: Nestor-Istoriya; St. Petersburg, 2018. 1012 p. (In Russian)
20. Zaytsev I.V. *The Astrakhan Khanate*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 303 p. (In Russian)
21. Zaytsev I.V. Berat of Sultan Murad III addressed to Mehmed on his appointment of Kafa's sanjakkbey and emir of the Circassian lands (1590). On the origin and chronology of the appointments of some Kafa sandjakkbeyes of the 1560–90s. *Medieval East. In*

Memory of the Hero of the Soviet Union, Academician Z.M. Bunyatov. Baku: ELM, 2015, pp. 72–86. (In Russian)

22. Zaytsev I.V. Princely “yurts” of the Kazan Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 188–206. (In Russian)

23. *History and Genealogy of the Circassians: Publication of a Manuscript of a Turkic Historical Work of the eighteenth century*. Moscow: Izdatelstvo Vostochnaya literatura, 2019. 110 p. (In Russian)

24. Iskhakov D.M. *The Arsk Princes and Nukrat Tatars (Historical and ethnographic information, genealogies, clan affiliation, place in the socio-political structure of the Kazan Khanate and the Russian state)*. Moscow: FEN, 2010. 224 p. (In Russian)

25. Kolodzeychik D. An attempt to restore the Mongol tradition in the Crimean Khanate of the early 17th century: baysa, tat ve tavchag. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 91–101. (In Russian)

26. Kosven M.O. Atalychestvo. *Soviet ethnography*. 1935, no. 2, pp. 41–62. (In Russian)

27. Kusheva E.N. *The Peoples of the North Caucasus and Their Ties with Russia. From the second half of sixteenth to the 1630s*. Moscow: Akademiya Nauk SSSR, 1963. 371 p. (In Russian)

28. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The campaign of 1483 and its place in the history of Russian-Siberian relations. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2014, no. 1, pp. 115–123. (In Russian)

29. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Restoration of the Shibanids in Siberia and the reign of Kuchum Khan in the second half of the 16th century. *Medieval Türko-Tatar states*. 2009, no.1, pp. 97–111. (In Russian)

30. Miller G.F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. Vol. I. 630 p. (In Russian)

31. Moiseev M.V. Land tenure of the service Tatars in the Kolomna district at the end of sixteenth century (preliminary remarks). *Dmitry Pozharsky University Bulletin*. 2017, no. 2, pp. 236–247. (In Russian)

32. Morozov B.N. New about ancient Permian writing in the Komi region at the beginning of sixteenth century. *History, Current State, Prospects for the Development of Languages and Cultures of the Finno-Ugric Peoples. Proceedings of the III All-Russian Research Conference of Finno-Ugric Studies (July 1–4, 2004, Syktyvkar)*. Syktyvkar: Izdatelstvo Komi nauchnogo tsentra URO RAN, 2005, pp. 142–143. (In Russian)

33. Nekrasov A.M. *Selected Works*. Nalchik: Izdatelskiy otdel KBIGI, 2015. 255 p. (In Russian)

34. Ovchinnikova B.B. Interaction of Novgorod with Ugra (from the ninth to fifteenth centuries). *Problems of Russian History, Iss. 7: Source and Its Interpretations*. Ekaterinburg: Volot, 2008, pp. 13–30. (In Russian)

35. *Description of the St. John Monastery, Located in the Ryazan Diocese*. Ryazan: B.i., 1998. 192 p. (In Russian)

36. *Inventories of the Royal Archive of the sixteenth century and the Archive of the Ambassadorial Prikaz of 1614*. Moscow: Izdatelstvo Vostochnaya literatura, 1960. 195 p. (In Russian)

37. *Inventory of the Archive of the Ambassador Prikaz of 1626*. Moscow: B.i., 1977. 416 p. (In Russian)

38. Orlenko S.P., Melnik G.K. Craftsmen of the court workshops of the seventeenth century “at the case of the sovereign seals” (for the anniversary of the Great State Seal in 1667). *Moscow Kremlin of the seventeenth century. Ancient Shrines and Historical Monuments*. Moscow: BukSMArt, 2019, book 1, pp. 114–125. (In Russian)

39. *Monuments of Diplomatic and Commercial Relations between Moscow Russia and Persia*. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, 1892. Vol. II. 447 p. (In Russian)

40. *Monuments of Diplomatic and Commercial Relations between Moscow Russia and Persia*. St. Petersburg: Tovarishestvo parovoy skoropechatni Yablonskiy i Perott, 1890. Vol. I. 455 p. (In Russian)
41. Piskarev A. Review of antiquities and sights of Ryazan and its district. *Ryazan Provincial Gazette*. 1845, no. 10 (non-official part), p. 59. (In Russian)
42. *Scripture Books of the sixteenth century*, Part 1: *Areas of the Moscow, Vladimir, Kostroma Provinces*. St. Petersburg: Tipografiya II otdel. sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1872. 931 p. (In Russian)
43. Pliguzov A.I. *Text-centaur about Siberian Samoyeds*. Moscow; Nyutonvil: Arkeograficheskiy tsentr, 1993. 160 p. (In Russian)
44. *Under the Banner of Russia: Collection of Archival Documents*. Moscow: Russkaya kniga, 1992. 431 p. (In Russian)
45. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 37: *Ustyug and Vologda Chronicles from the sixteenth to eighteenth centuries*. Leningrad: Nauka, 1982. 228 p. (In Russian)
46. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 29: *Chronicler of the Beginning of the Kingdom. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Chronicle*. Moscow: Nauka, 1965. 390 p. (In Russian)
47. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 13: *Nikon Chronicle*. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 544 p. (In Russian)
48. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 20: *Lviv Chronicle*. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2005. 704 p. (In Russian)
49. *Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006. 391 p. (In Russian)
50. *Razryad Book for 1475–1598*. Moscow: Nauka, 1966. 617 p. (In Russian)
51. *Razryad Book for 1475–1605*. Moscow: Institut Istorii SSSR, 1977. Vol. I. Part. 1. 188 p. (In Russian)
52. *Russian-Mongolian Relations from 1607 to 1636*. Moscow: Izdatelstvo Vostochnaya literatura, 1959. 352 p. (In Russian)
53. Samigulov G.Kh. Localization of the Takhchei region in the sixteenth century. *Scientific Dialogue*. 2016, no. 6 (54), pp. 224–236. (In Russian)
54. Samigulov G.Kh., Svistunov V.M. What is the old Kazan road? *Integration of Archaeological and Ethnographic Research*. Odessa; Omsk, 2007, pp. 66–72. (In Russian)
55. *Collection of the Russian Historical Society*. St. Petersburg: Tip. O. Eleonskogo i Ko, 1884. Vol. 41. 638 p. (In Russian)
56. *Collection of the Russian Historical Society*. St. Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1895. Vol. 95. 788 p. (In Russian)
57. *Collection of the Russian Historical Society*. St. Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i Ko, 1887. Vol. 59. St. Petersburg, 1887. 708 p. (In Russian)
58. *Collection of the State Charters and Agreements*. Moscow: Tipografiya Selivanovskogo, 1819. Part 2. 399 p. (In Russian)
59. Trepavlov V.V. *Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia from the sixteenth to nineteenth centuries*. St. Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2018. 320 p. (In Russian)
60. *The Tyumen and Siberian Khanates*. Kazan: Kazan State Universitet Publ., 2018. 560 p. (In Russian)
61. Usachev A.S. Vologda Department and Ivan IV. *Perm University Bulletin. History*. 2022. no. 2. (in press). (In Russian)
62. Usachev A.S. *Book Writing in Russia in the sixteenth century: Based on the Materials of Dated Output Records*. Moscow; St. Petersburg: Alyans-Arkheo, 2018. Vol. 2. 528 p.
63. Khotko S.Kh. *Circassia: Genesis, Ethnopolitical Ties with the Countries of Eastern Europe and the Middle East (from the thirteenth to sixteenth centuries)*. Maykop: Adygeyskoe respublikanskoe knizhnoe izdatelstvo, 2017. 543 p. (In Russian)

64. Chibis A.A. On the issue of the incorporation of the non-Russian peoples of the mountain side of the Kazan land into the legal system of the Russian state in the second half of sixteenth and seventeenth centuries. *Historical Experience of Nation-building and Development of the National Statehood of the Chuvash People. Proceedings of the All-Russian Research Conference*. Cheboksary, 2020, pp. 87–98. (In Russian)

65. Shabaev L.E. Genealogical paintings submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of seventeenth century: Provincial service nobility (Aleksin, Arzamas, Belev, Belozersk, Borovsk, Velikiye Luki, Vereya, Vladimir, Vologda, Volokolamsk, Vorotynsk, Vyazma, Galich, Dmitrov, Kaluga, Kashin, Kashira, Kozelsk, Kolomna, Kostroma, Medyn, Meschera (Shatsk), Mozhaisk, Murom, Mtsensk, Nizhny Novgorod). *Russian Genealogy: Scientific Almanac*. Moscow: Staraya Basmanaya, 2020. Issue 7, pp. 269–426. (In Russian)

66. Vasary I. The institution of Foster-Brothers (emildáš and kökaldáš) in the Chingisid States. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. XXXVI. Fasc. 1–3. Budapest, pp. 549–562.

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

*Received January 13, 2022 Accepted for publication March 2, 2022
Published March 29, 2022*